

пиально, как художественная формула подвижного временного феномена в сложных генетических и смысловых связях с временными пластами прошлого и будущего. И здесь прежде всего отличительная особенность «Войны и мира» Толстого и от эпоса, и от исторического романа. Исследователю приходится иметь дело с подвижностью, динамизмом, процессуальностью и незавершенностью самой структуры романа, ее «незакрытостью». Эти свойства поэтически точно определены Пушкиным — «даль свободного романа»⁵.

Свободная, подвижная, открытая структура романа становится специфическим средством закрепления и осмысления движения жизни.

Стихия романа — процессуальность. Принцип движения более чем в каком-либо другом жанре вводит динамическое соотношение пространственных и временных координат изображаемого.

Примечателен в этой связи диалог Толстого и Короленко. Последний указал на движение времени и связанные с ним перемены в жизни как на характерную черту конца века, утратившего устойчивость: «Когда все кончается, движется» и потому становится трудноуловимым искусством. Толстой не согласился с ним. «Всегда характеры людей движутся», — сказал он. Тогда Короленко связал принцип движения, жизненную динамику с особенностями творчества самого Толстого, на что в записи Гольденвейзера последовал ответ: «Может быть, это и справедливо, но я думаю, что движение не может мешать»⁶.

В этих словах автора «Войны и мира» — косвенный ответ на слова собеседника, а главный акцент сделан как бы на собственные мысли, к которым он постоянно возвращался и в «Воскресении», и в переписке тех лет — «люди, как реки». И отсюда сложность эстетических и этических проблем, связанных с изображением и оценкой текущего человеческого характера, его взаимоотношений с обстоятельствами.

Повествование Толстого в сравнении с «быстрыми» повестями Пушкина может показаться замедленно-эпизированным. И для этого есть основания. Толстой охватывает большие массивы жизни, целые ее пласты. Монументальность находит выражение в самой фразе писателя, в его стиле. Но несмотря на эпическую масштабность толстовского повествования, оно перенасыщено движением. Это сказывается уже в том, что устранено различие между повествованием о событиях и описаниями. Собственно говоря, описание в традиционном смысле уходит из поэтики, даже портретная деталь во многократном возникновении функционирует не как «постоянный эпитет», но как выражение постоянного видоизменения определенного качества. Для Толстого не существует принципиального перехода от действия персонажа к переживанию и обратно. И та и другая сфера — одинаково динамичные проявления и отражения общего тока жизни. Внутренний монолог у Толстого — выражение не только потока сознания, но и динамики жизни в целом. Отсюда выход к пафосу характера наиболее близких автору персонажей — искателей истины, человеческого счастья, единения людей в истине и счастье. И это движение мысли, чувства, развития характера оказывается для Толстого ведущим творческим стимулом. Роман Толстого — это погружение в стихию движения, в диалектику души, в поток мыслей и чувств, в процесс становления и развития характера, во взаимосвязь жизни людей и хода исторических событий. Передача внутренней работы, духовной жизни человека предполагает изображение не столько даже в свете их результата, сколько прежде всего со стороны самого процесса, протекания, т. е. тех форм, в которых и существует сама жизнь. Даже пейзаж у Толстого полон движения (вспомним голый и распустившийся дуб, мимо которого проезжает князь Андрей), напряженной динамики смысла (небо Аустерлица). Но особенно показательно, пожалуй,

⁵ Во многом близкая формулировка у Л. Н. Толстого: «...широкий, свободный роман, вроде „Анны Карениной“» (т. 64, с. 235).

⁶ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Т. II. М., 1923, с. 213.